

Василий Катанян

Портрет

В СЕ, КОГО сталкивала с ним жизнь, обращали внимание на его страсть к вещам, страсть к антиквариату, страсть покупать, продавать и дарить. Вещи переполняли его жизнь и его фильмы. Они почти всегда были подлинные и запоминались.

Мебель, лампы, рамы, посуда, утварь, украшения, вазы и ковры, ковры, ковры... Он знал в них толк, как никто.

Его учитель Игорь Савченко говорил: «Параджанов, ты умрешь бутафором». И помолдав, задумчиво добавлял: «Или церемониймейстером».

Его отец был коммерсантом — то продавал спинки никелированных кроватей (1), то работал директором комиссионки. Среди Параджанов вырос среди разговоров о купле-продаже. Он с детства научился разбираться в стилях, фирмах, каратах. Он обожал держать вещи в руках, рассматривать, перебирать и примерять — перстни, меха, тарелки, канделябры. Он любил не только сияние драгоценных камней, но сами их названия; мог бормотать ни к селу ни к городу: «Алмазы, топазы, сапфиры...» Он фантазировал на эту тему бесконечно, выдавая желаемое за действительное, или — как сейчас говорят — занимался приписками. То и дело я слышал от него.

— Папа римский присылает мне алмазы, и я на них живу!

— Я отдал ей голубой бриллиант за бесценок...

— Завтра я подарю Инне сапфировое кольцо. Пусть носит.

— Я отослал Светлане кораллы в серебре...

— Видел на Софико жемужное ожерелье? Бесценное. Это я ей подарил.

— Чтобы устроить этого оболтуса в институт, я подарил жене ректора два с половиной метра чернобурки!

Если бы у него это было, то не исключено, что он действительно подарил бы. На самом деле подарки имели место, но не столь драгоценные и не тем людям, а просто так, от доброты душевной, но иной раз от тщеславия, желания поразить...

Подарки — род недуга. Он не мог не подарить чего-либо человеку, который ему симпатичен. Чаще всего это были люди случайные. Помню, с кем-то из его друзей по пути зашли к нему на огонек парень с девушкой. От смущения не открыв рта, они весь вечер сидели, пили чай, слушали. А когда уходили, Сережа подарил девушке горсть изумительных старинных серебряных бусин. Сережа видел ее первый и последний раз в жизни.

Вообще от него исходило нечто, что притягивало самую неожиданную публику. Завидев

ИЗУМЛЕНИЕ

Параджанов ждал Плисецкую.

Вся лестница была усыпана цветами

толпу, в окружении которой он появлялся, говорили: «Параджанов со своей вольницей». Или: «Приехал Сергей и сопровождающие его лица» (он же добавлял: «Не только лица»)...

Никогда нельзя было предвидеть, чем кончится день, начатый в обществе Параджанова.

Например, поехали мы к нему на дачу: «У меня есть вилла. Я назвал ее «Гранат». Она не далеко от Мцхеты, в Дзалиса».

Я думал — болтовня, какая-нибудь халупа, комнатка или вовсе ничего — очередная фантазия. Однако — едем, въезжаем в деревню. С первой попавшейся крестьянкой он долго беседует, и вскоре идут соседи, несут фрукты, вино. Это из любви к нему, за веселый нрав, но он, конечно, клевещет: «Они думают, что я могу устроить их детей в институты. — и задабривают...»

Он не то снял, не то купил, не то просто живет в подовине большого крестьянского дома. Чтобы стать совладельцем, он должен вступить в... колхоз! «Я могу быть сторожем, но меня не берут, они умные, понимают, что я тут же все раздам налево направо».

Дом обставлен в его любимом дореволюционном стиле — керосиновые лампы, накидки, ламбрекены, пухлые бархатные альбомы. Тут же бормашина и — Господи помилуй! — гинекологическое кресло. «Это мне отдали евреи, которые уехали. И телевизор тоже». Все, конечно, бездействует — в том числе и телевизор, который он не смотрит, ибо не умеет включать.

«Мы пропали», — сказал Сережа, увидев, как к нему поднимается крестьянин с ящиком вина — местный поэт. Он запел по-грузински и заиграл на зурне, это была поэма в честь Параджанова. Мы долго слушали — кто понимал, кто нет, — постепенно стали разговаривать, ходить по дому, а он все пел и пел. Я лег подремать, а когда проснулся, то вокруг сидели другие персонажи, но поэт был прежний...

Редко к кому он любил ходить в гости, зато обожал принимать у себя, особенно знаменитостей (честолюбие было ему далеко не чуждо). Это всегда было нарядно, весело, вкусно, с выдумкой и затеями.

Однажды звонит из Киева: «Я должен принять министра культуры Франции с женой, что делать? Я придумал только, что в квартиру войдет нарядная гуцулка с коромыслом, а ведра будут полны шампанского со льдом. Затем парубок подаст зажаренного гуся в бумажных розах и лентах, а в глазах у того будут изумруды — это серьги, которые я потом подарю министерше. В углу будет играть бандурист, я ему приклею бороду, как у Черномора, а конец закину на люстру и там обовью ею лампу, для полумрака, чтобы мадам не увидела, что изумруды поддельные... Что бы придумать еще?»

— Еще?!

Когда в том же Киеве к нему пришел Тарковский, то первым, кто его встретил, был живой ослик, привязанный к батарее (это на восьмом-то этаже!). Оправившись от изумления, он увидел Сережу, который улы-

баясь смотрел ему в глаза и наливал в бокал красное вино из старинной грузинской бутылки. Вино переливалось и расплывалось пятном на скатерти изумительной работы.

— Сережа, вы губите скатерть, остановитесь!

— Это так, но вы выше, чем кружева шантильи!

Аллен Гинсберг — идол масмедиа, гуру, родоначальник и вожь битничества, прилетев в Тбилиси, хотел познакомиться только с Параджановым. Сергей встретил его в черном парике с перьями, увешанный цепями. А чтобы поэт не чувствовал себя обделенным, его тут же облачили в нечто парчовое и усадили, по словам Сережи, на... трон. Для полноты картины кликнули диакона Георгия, благо он жил по соседству. Тот явился в церковном облачении, что не мешало Параджанову водрузить ему на голову еще и подушку. Кворум был. И потекла неторопливая беседа.

Когда в 1982 году Майя Плисецкая танцевала в Тбилиси «Кармен-сюиту», Сережа не пропускал ни одного вечера, посылал ей изысканные, ювелирно составленные букеты и от правил украшенное виньеткой приглашение, где «нижайше просил великую балерину посетить его приют на горе Давида». Плисецкая была наслышана о нем от своих родных — брата Александра, кузена Бориса Мессера и его жены Беллы Ахмадулиной.

Ее ждали после спектакля. Лестница была усыпана цветами. Вся лучшая посуда — на столе. Изысканное угощение. Потом Сережа наметил повести Майю Михайловну по боковой галерее, сплошь увешанной его работами, и остановиться перед дверью, открыв которую старинным ключом, она должна увидеть статую Антиной. Статуя должна ожить и с поклоном преподнести гостю на серебряном подносе золотую розу и необыкновенное пирожное, которое Сережа сам испек и ослепительно разукрасил. Для этого спектакля позвали соседа Ило, божественного телосложения юношу с лицом Массимо Джиротти, как утверждал Сережа, когда он прикрыв ему челу, густо обсыпал мукой, чтобы больше походил на статую, а в волосы вплеп виноградные листья.

Плисецкая пришла поздно. Не обратив никакого внимания ни на сервировку, ни на угощение, она разговаривала с Сергеем и с интересом рассматривала его работы, которыми были увешаны стены. «А теперь, Майя Михайловна, вот вам ключ от комнаты, где вас ждет сюприз». Ее провели через галерею, где она задержалась возле кодажей и кукол, и попросили оделить замок. Все столпились вокруг в ожидании эффекта. Он действительно был: взору гостей предстал Антиной, уютно свернувшийся калачиком на полу соеи осыпавшей муки. Заждавшись (дело было далеко за полночь), он уснул, предвзвительно сжевав от голода пирожное — произведение искусства...

— Давно уже я так не смеялась, — сказала Плисецкая, утешая Сережу...

Михайловна — 1992 — 29 февр — 1992

93
94